

Довгялло М.С.
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ ЗА БОЛГАРИЮ (1939–1941 гг.)

Борьба за региональное и мировое господство, восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними державами и защита завоеваний другими во многом определила в предвоенные годы дипломатическую и политическую борьбу Советского Союза и Германии за Балканы. Балканы стали регионом, где столкнулись противоположные интересы двух ведущих европейских стран.

Советско-германский пакт о ненападении, заключенный 23 августа 1939 г. правительственными кругами и населением в Болгарии, был встречен одобрительно. Царь Борис III и премьер-министр Кьосеиванов считали, что «этот пакт принесет некоторое успокоение в оппозиционных кругах и вызовет одобрение внешней политики Болгарии» [2, с. 643]. До этого времени Болгария, находившаяся в хороших отношениях как с Германией, так и с Советским Союзом, после установления дипломатических отношений в июле 1934 г. [7, с. 363], стояла перед дилеммой, что она будет делать в случае войны Германии с СССР. После получения извещения, болгарская печать изменила свой тон в отношении СССР после подписания пакта. Средства массовой информации о внешней политике Советского Союза избегали враждебных выпадов. Ярким проявлением сближения в отношениях между двумя странами стал прием группы депутатов болгарского парламента в Москве. В августе сельскохозяйственную выставку посетила группа парламентариев Болгарии в количестве 21 человека во главе с заместителем председателя парламента Г. Марковым. Во время встречи делегации в Кремле с председателем СНК и наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым был поднят вопрос о ревизии Нейиского мирного договора. Нарком высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи и за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Советское правительство признало их и не имело возражений против их реализации [6, с. 209.]. Важную роль в деле сближения Болгарии с СССР в рассматриваемый период играли и экономические причины. В связи с войной в Европе Болгария испытывала большие трудности в снабжении таких важнейших для экономики страны материалов, как, нефть, бензин, металлы, хлопок и др. Вместе с тем болгарскому правительству необходимо было считаться и с Германией. Так, 80% болгарского экспорта шло в Германию [2, с. 534]. Экономическая зависимость Болгарии от одной страны представлялась для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Не будь этих чрезвычайных обстоятельств, Болгария, возможно, не встала бы так скоро на путь конкретизации и улучшения отношений с Советским Союзом.

Осенью советское правительство впервые выразило желание придать отношениям между двумя странами новый импульс и предложило заключить договор о взаимной помощи [7, с. 465]. Однако подобное развитие событий не входило в планы болгарских властей. Председатель совета министров и министр иностранных дел Болгарии Г. Кьосеиванов на советское предложение ответил, что на первом этапе возможно заключение только торгового договора, соглашения о мореплавании и воздушном сообщении, а также конвенции о культурной связи. София отказалась заключить с Советским Союзом пакт о взаимной помощи [7, с. 468–469], так как оно могло бы вызвать подозрение у стран Балканского полуострова и Европы. Советская сторона, в свою очередь, констатировала, что «болгары правы, говоря об опасности для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта о взаимопомощи» [3, с. 279]. Не отказываясь от своего замысла, советское правительство решило подождать до более подходящего момента, так как Болгария в это время испытывала дипломатическое давление со стороны Германии, Италии, Великобритании, которых объединяло нежелание допустить советско-болгарское сближение.

В результате переговоров с болгарской торговой делегацией 5 января 1940 г. состоялось подписание советско-болгарского договора о торговле и мореплавании и соглашения о товарообороте, платежах на 1940 г. [7, с. 475–477, 486–489]. Основу советского товарооборота составляли: по импорту – свинина, рис, кожевенное сырье, табак, розовое масло; по экспорту – хлопок, нефтепродукты, черные металлы, сельскохозяйственные машины, химикаты, удобрения и др.

Чтобы теснее привязать к себе руководство Болгарии, строившее планы создания «Великой Болгарии», гитлеровское правительство поддерживало его территориальные претензии к Румынии, Югославии и Греции. Под давлением Германии Румыния подписала 7 сентября 1940 г. в г. Крайова соглашение о возврате Болгарии Южной Добруджи. Это территориальное приобретение Болгарией оказалось единственным, которое признали все государства, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали, и которое было сохранено за ней после окончания Второй мировой войны.

Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны СССР и Германии, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной стране, занимали выжидательную позицию, поскольку они осознавали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться вдали от международного конфликта. Маневрируя между великими странами, царь стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии. Так, 15 сентября 1939 г. правительство Г. Кьосеиванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся войне и продолжении миролюбивой политики [7, с. 464]. В Болгарском правительстве существовали опасения в связи с агрессивными устремлениями стран Балканской Антанты.

После подписания Тройственного пакта Германия стала более активно добиваться присоединения к нему других государств. Первое предложение о присоединении к пакту было сделано Болгарии 16 октября 1940 г., причем в ультимативной форме, обещая поддержку ее территориальных претензий. Ответные дипломатические шаги болгарских властей свидетельствовали об их попытках отказаться от присоединения к пакту. В Софии опасались осложнить отношения с Балканскими странами и СССР, поэтому болгарский царь просил А. Гитлера отсрочить этот шаг, ссылаясь на сложности внешнеполитического характера. Требование со стороны А. Гитлера поступило царю Борису 17 ноября 1940 г. во время их встречи в резиденции А. Гитлера Берхтесгадене. И на этот раз царь Борис отклонил предложение. Единственное, чего удалось добиться А. Гитлеру, это согласия царя Бориса III на прохождение германских войск через территорию Болгарии. Одновременно начинается давление на Болгарию с тем, чтобы она не принимала никаких предложений от СССР.

В ноябре 1940 г. и Советский Союз возобновил свои попытки сближения, причем в Кремле имели в виду, что Болгария станет частью сферы влияния СССР, вплоть до его военного присутствия в этой стране, без изменения внутреннего режима и государственного строя, чтобы помочь ей в случае угрозы или нападения на нее третьей страны [4, с. 61, 70, 76, 110, 159]. Болгария занимала геополитическое положение по отношению к Черноморским проливам, вопрос о которых занимал тогда особо важное место во внешней политике СССР.

В ноябре 1940 г. В. Молотов посетил Берлин, где вел переговоры с Гитлером и Риббентропом. Для ведения переговоров руководитель делегации получил «Некоторые директивы к

Берлинской поездке» [13, с. 8] от И. Сталина. В составе правительственной делегации находилось 65 человек, включая наркома черной металлургии И. Тевосяна, пять заместителей В. Молотова из НКВД, представителя Генштаба генерала А. Василевского, ряд заведующих отделами НКВД и др. [11, с. 110]. Основное внимание на переговорах было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию. Один из пунктов сталинских директив на переговорах от 9 ноября гласил: «Болгария – главный вопрос переговоров – должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию» [10, с. 350; 4, с. 78]. В телеграмме И. Сталина В. Молотову в Берлин 13 ноября 1940 г. говорилось: «Безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море» [4, с. 61]. В ходе переговоров В. Молотова с немецким руководством он заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок Болгарии. Они не будут изменены «ни на йоту» [12, с. 111]. Размещение советских войск превращалось, таким образом, в ключевой вопрос обеспечения советских интересов в районе Черноморских проливов. Гитлер, не говоря прямо «нет», ссылаясь на необходимость «узнать, желает ли Болгария иметь гарантии от Советского Союза и каково будет к этому отношение Италии, действительно ли Болгария запрашивала о гарантиях» [10, с. 382; 6, с. 289] и заявил о невозможности высказать собственную позицию до выяснения их мнения.

В последний день переговоров, В. Молотов получил от Риббентропа «черновые наброски» о присоединении Советского Союза к Тройственному пакту. Следует отметить, что текст этого предложения был передан не в письменном виде, а был продиктован рейхминистром В. Молотову поздно вечером, накануне его отъезда из Берлина. Через две недели, 25 ноября 1940 г. В. Молотов сообщил германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу, что СССР «согласен принять проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи при условии одновременного принятия партнерами СССР ряда советских предложений: германские войска будут выведены из Финляндии, будет заключен пакт о взаимопомощи между СССР и Болгарией, и будет создана военная и военно-морская базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды» и др. [4, с. 136–137]. Таким образом, ответ В. Молотова предусматривал выработку единой политической линии его участников, а также их обязательство не входить в блоки государств и не придерживаться никаких международных блоков, направленных против одного из них. Формально этот документ, лично врученный послу Германии в Москве Шуленбургу, остался без ответа, хотя советская сторона его активно добивалась. Так, в январе 1941 г. В. Молотов во время встречи с послом выразил Шуленбургу свое удивление по этому поводу, на что тот ответил: «для ответа сначала необходимы переговоры с Японией и Италией» [4, с. 343]. Таким образом, А. Гитлер использовал рассматриваемый документ не для переговоров с Москвой, а во враждебных Советскому Союзу целях. После переговоров В. Молотова в Берлине политические и дипломатические проблемы в отношениях между странами стали подниматься все реже.

После поездки в Берлин В. Молотова, в ноябре 1940 г. поступило новое предложение болгарской стороне заключить пакт о дружбе и взаимопомощи между СССР и Болгарией. Это предложение сопровождалось обещанием, что СССР окажет Софии экономическую помощь и поддержку, поддержит ее «справедливые территориальные притязания к ее соседям» [4, с. 110]. Этот пакт, – говорилось в заявлении, – поможет Болгарии реализовать ее национальные стремления не только в Западной, но и в Восточной Фракии, «при условии заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Отпадут возражения СССР против присоединения Болгарии к Тройственному пакту и что в таком случае вполне возможно присоединение самого Советского Союза к Тройственному пакту» [14, с. 34]. Последнее, очевидно, как раз подразумевало создание «пакта четырех держав».

Не имея реальных рычагов воздействия на царя Бориса III, советское руководство попыталось оказать на него нажим через народные массы, используя болгарских коммунистов, инспирировав всенародную кампанию. Она вошла в историю Болгарии под названием «Соболевской акции» по фамилии А. Соболева, генерального секретаря Наркоминдела СССР, через которого было передано предложение премьер-министру Б. Филову и царю Борису III [9, с. 54].

Сведения о предложении СССР были сообщены Г. Димитровым софийским коммунистическим деятелям телеграммой: «Примите самые быстрые и энергичные меры, чтобы это предложение стало достоянием в парламенте и вне его, печати и массах. Мобилизуйте для этих целей наших депутатов» [15, с. 8]. В Болгарии была развернута кампания в пользу подписания договора. Страна была засыпана листовками ЦК БРП, а стены домов и ограды покрылись лозунгами: «Требуем пакта с СССР!», «Да здравствует союз с СССР!» и др. Вскоре, Г. Димитров посылает новую телеграмму об ошибочности распространения листовок и дает директиву болгарской рабочей партии: «Кампания о пакте не должна носить партийный, антибуржуазный, антидинастический и антигерманский характер. Надо ее вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве» [15, с. 8]. Кроме этого, 21 января 1941 г. В. Молотов проинформировал Г. Димитрова о заявлении правительства СССР правительству Болгарии, что Болгария и Проливы входят в сферу безопасности СССР.

В конце ноября Болгария официально отклонила советское предложение о пакте, уведолив Москву, что еще до его предложения она начала переговоры с Германией о присоединении к трехстороннему пакту. Отказ был мотивирован тем, что «советское правительство обсуждало в Берлине вопрос о возможности присоединения СССР к пакту трех [4, с. 158–161]. Таким образом, «Соболевская акция» и подписание плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. [1, с. 86], наметивший дату нападения на СССР – середина мая 1941 г., завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда он носил дипломатический, «кабинетный» характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Балканы, включая и Болгарию. Германские действия на Балканах определялись концепцией близкого военного столкновения с СССР и игнорировали его политическую реакцию. Тогда как советская сторона принимала за исходный пункт заинтересованность Германии в сохранении пакта о ненападении и рассчитывала остановить немецкую экспансию на Балканах политическими средствами.

Тем временем, к концу 1940 г. возможности политики неприсоединения и нейтралитета Болгарии оказались полностью исчерпанными. Болгария попала в непосредственные планы Германии, связанные с подготовкой операции по захвату Балкан. В январе 1941 г. болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с А. Гитлером и министром иностранных дел И. фон Риббентропом, во время которых обсуждались вопросы о сроках присоединения Болгарии к Тройственному пакту и о политической подготовке этого акта. Во время встречи были даны заверения, что Болгарии не грозит никакая опасность, и что ей следует подписать пакт как можно скорее, а также обещание о возврате Болгарии Западной Фракии.

13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС о том, что ни германское, ни болгарское правительство не обсуждали о перемещении немецких войск в Болгарию с СССР, и если эти слухи верны, «то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР» [4, с. 327]. Берлин и София официально опровергли слухи о переброске вермахта в Болгарию, при этом Германия заявила, что никаких разногласий с СССР по болгарскому вопросу нет. Тем не менее, В. Молотов в беседе с послом Германии в Москве отметил, что советское правительство несколько раз заявляло германскому правительству, что оно «считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР». Поэтому «советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением безопасности СССР» [4, с. 344].

Вечером 28 февраля 1941 г. Ф. Шуленбург сообщил В. Молотову, что 1 марта Болгария подпишет протокол о присоединении к Тройственному пакту. Выслушав сообщение, В. Молотов заявил, что германское правительство знало позицию СССР относительно Болгарии, а подобные действия идут в разрез с этой позицией [4, с. 434–435]. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту [7, с. 545–546]. При этом она поставила условие, что ее армия не примет непосредственного участия в военных действиях на Балканах, и партнеры по пакту поддержат ее стремление получить выход к Эгейскому морю. Было заявлено, что пребывание немецких войск в Болгарии является временной мерой, и не ухудшит ее отношения с СССР, которые она считает постоянным элементом своей внешней политики. В беседе с германским послом в Москве Ф. Шуленбургом В. Молотов охарактеризовал германские действия

как «военную оккупацию Болгарии» и как «курс, наносящий ущерб интересам безопасности СССР» [8, с. 328]. 2 марта германские войска с согласия болгарского правительства вступили на территорию Болгарии. Это было откровенное игнорирование Германией советских интересов на Балканах, где в соответствии с советско-германскими договоренностями обе стороны обязались действовать согласованно.

3 марта 1941 г. в ответ на сообщение Болгарии о вступлении германских войск на ее территорию, советское правительство заявило, что «не может разделить мнение Болгарского правительства о правильности позиции», поскольку она «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии». Советский Союз «не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку Болгарскому правительству в проведении его нынешней политики» [5, с. 448].

Таким образом, СССР не был в состоянии что-либо противопоставить такому положению и оказался фактически в роли бессильного наблюдателя того, как на протяжении конца 1940 – начала 1941 гг. А. Гитлер усиливал давление на Болгарию к ее присоединению к Тройственному пакту и вступлению на ее территорию немецких войск. Советское правительство осудило германское правительство, которое «сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию» [10, с. 706]. Попытки превратить Болгарию в союзника советской политики на Балканах и в зоне Проливов, выработки нового курса в отношении Болгарии, основанного на осуждении ее присоединения к Тройственному пакту, завершились провалом для Советской дипломатии. СССР в межвоенный период оказался не в состоянии противопоставить германской экспансии на Балканах ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые бы заставили считаться с его интересами. Дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Балканы завершилась в пользу «третьего рейха».

Литература

1. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки: документы и материалы / В.И. Дашичев; отв. ред. А.М. Самсонов. – Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 гг. – Москва: Наука, 1973. – 664 с.
2. Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 1. Январь – август. – Москва: Междунар. отношения, 1992. – 712 с.
3. Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2. Сентябрь – декабрь – Москва: Междунар. отношения, 1992. – 688 с.
4. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2 (1) 1 ноября 1940 – 1 марта 1941 г. – Москва: Междунар. отношения, 1998. – 448 с.
5. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2 (2) 2 марта 1941 – 22 июня 1941 г. – Москва: Междунар. отношения, 1998. – 448 с.
6. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. – Москва: ТЕРРА – Кн. клуб, 2004. – 400 с.
7. Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. 1. (ноябрь 1917 – сентябрь 1944). – Москва: Наука, 1976. – 651 с.
8. СССР – Германия. 1939–1941. Секретные документы / под ред. Ю.Г. Фельштинского. – Москва: Эксмо, 2011. – 384 с.
9. Чернявский, Г.И. Дневники Г.М. Димитрова / Г.И. Чернявский // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 47–58.
10. 1941 год. В 2 кн. Кн. 1 / сост.: Л.Е. Решин [и др.]; под ред. В.П. Наумова. – Москва: Междунар. фонд «Демократия», 1998. – 832 с. – (Россия. XX век. Документы); Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. – 1995. – № 4. – С. 76–79.
11. Басистов, Ю.В. На крутых перевалах XX века. Очерки по истории Второй мировой войны / Ю.В. Басистов. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2010. – 424 с.
12. Безыменский, Л. Накануне. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года. // Л. Безыменский, С. Горлов // Международная жизнь. – 1991. – № 8. – С. 104–119.
13. Волков, В.К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 гг. // В.К. Волков. // Вопросы истории. – 1997. – № 2. – С. 3–17.
14. Гибианский, Л.Я. Балканские страны в перекрестке политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах / Л.Я. Гибианский // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 24–42.
15. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941 гг.) // Советское славяноведение. – 1991. – № 4. – С. 3–23.